

В тот год, когда Хиромицу Морофуси исполнилось семь лет, его мир рухнул. Родителей жестоко убили прямо в их собственном доме. В живых он остался лишь потому, что мать в последние секунды жизни успела спрятать его глубоко в стенной шкаф.

С той кошмарной ночи в его душе поселился бесконечный, холодный дождь.

Сырость проникала в самые сокровенные мысли, отравляла сны, преследовала наяву. Даже в обычные, залитые солнцем дни он явственно ощущал этот запах — удушливый запах дождя, смешанного со свежей кровью.

После трагедии Хиромицу разлучили со старшим братом и отдали на воспитание родственникам в Токио. Новый дом, чужая школа — ничто не помогало залечить душевную рану. Перенесенный ужас сковал его связки: мальчик полностью потерял способность говорить.

Дети по природе своей чисты, но порой эта чистота оборачивается беспощадной, неосознанной жестокостью. Немой Хиромицу быстро стал всеобщим изгоем. Сторонящийся шумных компаний и прежде, теперь он замкнулся в себе окончательно.

Новые опекуны относились к нему тепло, но никакая забота не могла заполнить зияющую пустоту в его сердце. Спустя десятилетия Хиромицу Морофуси превратится в сильного, надежного мужчину, готового без колебаний встретить смерть. Но сейчас он был всего лишь испуганным семилетним ребенком, который тайком прятался от мира, чтобы выплакать тоску по погибшим родителям.

Ему хотелось бежать. Но куда? Он и сам не знал. Мальчик просто пытался скрыться от жестокой реальности, в которой отца и матери больше не существовало, спастись от удушающего одиночества. Этот мир казался огромным — слишком большим для маленьких детских ног. И в то же время он был невыносимо тесен: куда бы Хиромицу ни шел, он всюду нес в себе собственную боль.

Мама спасла его, заперев в стенном шкафу, но вместе с жизнью подарила вечный дождь, под которым он остался стоять в полном одиночестве, тщетно надеясь на просвет в тучах.

Как-то раз после школы он пошел длинной дорогой и забрел на глухую, заброшенную детскую площадку в глубине парка. Закат заливал мир багровым светом. Огромное багровое солнце опускалось за горизонт — точно такое же, каким он любовался когда-то, держась за теплые ладони родителей. Их не стало, но светило продолжало свой путь, равнодушное и неизменное.

Одиноко сидя на качелях, он провожал взглядом угасающий день. Слезы беззвучно покатились по щекам. Мальчик утирал лицо рукавом, но они текли и текли, словно в его глазах тоже открылись небесные хляби. Наконец он сдался. Вцепившись в холодные цепи, Хиромицу оттолкнулся носками от земли. Качели со скрипом взмыли вверх. Ветер овеивал лицо, высушивая мокрые дорожки на коже. С каждым возвращением назад он снова упирался ногами в землю, заставляя сиденье взлетать. Подталкивать его сзади было больше никому.

Немного успокоившись, Хиромицу решил, что пора возвращаться. В этот момент вдалеке мелькнула фигура белоголового мальчишки. Но рассмотреть его он не успел — над ухом раздался грубый, хриплый голос:

— Наконец-то я тебя нашел.

Тяжелая тень упала на качели, заслонив закатное солнце, и мир вокруг мгновенно померк.

Перед ним стоял рослый, свирепый мужчина в безупречно скроенном черном костюме. Одежда незнакомца была чистой, однако Хиромицу мгновенно уловил тот самый запах из своих кошмаров — металлический привкус запекшейся крови.

Мужчина что-то говорил, но Хиромицу не слышал ни слова — страх парализовал его, мысли спутались. Он лишь остекленевшим взглядом смотрел на незваного гостя.

Тот грубо схватил его за запястье и потянул за собой:

— А ну пошли со мной.

В один миг реальность перевернулась. Хиромицу снова оказался в темном стенном шкафу, задыхаясь от ужаса, пока невидимые потоки крови заливали все вокруг. Страх лишил его сил бороться, и он покорно, как кукла, побрел вслед за похитителем.

«Нет, не надо! Пожалуйста, спасите! Спасите меня... хоть кто-нибудь!»

Он задыхался, беззвучно крича в пустоту своего разума:

«Мама! Папа! Не надо!»

«Остановитесь!»

«Прекратите это!!!»

Словно в ответ на его безмолвную мольбу, слышались быстрые, drobные шаги.

— Какого черта?! Мелкий, жить надоело? Проваливай отсюда! — рявкнул мужчина.

Рядом кто-то тяжело, прерывисто дышал. Хиромицу не понимал, его ли это собственное дыхание рвется из груди или чужое.

Он не хотел, чтобы все повторилось. Не хотел снова забиваться в угол темного стенного шкафа, содрогаясь от предсмертных криков близких.

Но крикнуть незнакомцу «Беги! Спасайся!» он не мог — немой ужас сковал горло.

В воздухе снова сгустился этот удушливый, липкий запах крови.

— погоди, если ты не вернешься... — Голос мужчины оборвался на полуслове.

Хиромицу кубарем покати́лся по земле. Дрожа всем телом, он судорожно хватал ртом воздух, а слезы крупными каплями падали в пыль.

Утирая заплаканное лицо, он приподнялся и замер. Перед ним стоял беловолосый мальчик, словно окруженный мягким, неземным сиянием.

Одного взгляда на его лицо хватило, чтобы панический страх отступил, уступив место полнейшему ошеломлению. Даже в свои семь лет, когда понятие красоты еще смутно и зыбко, Хиромицу почувствовал, как его разум на секунду опустел.

Этот день он не забудет и десятилетия спустя.

То были сумерки — час, когда на землю спускаются демоны. Под кроваво-красным небом, предвещавшим конец света, белоснежные пряди незнакомца сияли чистым жемчужным блеском. Солнце цеплялось за кроны деревьев, рассыпая по траве дрожащие янтарные блики, и всё вокруг казалось зыбким маревом, осколком чужого сновидения. Мальчик молча смотрел сверху вниз на распластанного в пыли Хиромицу. Его ресницы, длинные и пушистые, подрагивали, точно крылья бабочки, придавая бледному лицу хрупкую, почти девичью прелесть. Но эта ангельская чистота мгновенно меркла, стоило столкнуться взглядом с его глазами — неестественного, пугающе сочного пурпурно-розового цвета.

Глаза эти были совершенны, словно работа гениального скульптора, но на живом лице смотрелись чуждо и зловеще. Будто холодное, безжизненное изваяние устало на него в упор, заставляя волосы на затылке встать дыбом.

Разум Хиромицу лихорадочно метался: перед ним точно был не человек. Божество? Или исчадие ада?

Столь совершенная, неестественная красота внушала подсознательный трепет. Древний инстинкт самосохранения требовал бежать без оглядки. Хиромицу попытался отползти, но ладони ободрало об острую гальку. Резкая боль отрезвила его.

Только тогда он заметил, что грозный преследователь в черном костюме лежит без чувств на земле, а беловолосый мальчик невозмутимо высится над ним.

Сомнений не было: этот странный ребенок спас его.

Картина выглядела нелепо, почти абсурдно: хрупкий, безоружный ребенок уложил на лопатки шрамированного амбала ростом под два метра, от которого разило кровью.

Но в этой странной пьесе, где сплелись детская невинность и зрелая сила, хрупкость и мощь, чистая белизна и глухая тьма, Хиромицу почувствовал себя Алисой, провалившейся в кроличью нору. Он заворуженно смотрел на говорящего Белого Кролика. Вот только следовать за ним в Страну чудес мальчик не хотел. Ему просто нужно было вернуться домой.

Домой...

Он беззвучно шевельнул губами, пытаясь выдать хоть один звук, но связки подвели его. Эта бесплодная попытка привлекла внимание беловолосого незнакомца, который уже собирался уходить. Он обернулся и с любопытством спросил:

— Ты не можешь говорить?

Бесцеремонный вопрос заставил Хиромицу смутиться. Но не успел он опустить голову, как издадека донесся шум поспешных шагов. Мальчик с белыми волосами стремительно приблизился.

Понятие личных границ ему явно было неведомо. Он склонился так близко, что Хиромицу разглядел в глубине его зрачков собственное испуганное, грязное лицо.

Беловолосый вскинул руки, его пальцы быстро замелькали в воздухе.

— *Уходим,* — скомандовал он на языке жестов.

Из-за немоты Хиромицу часто сталкивался со сложностями в общении и недавно сам начал осваивать дактиль. Он сразу понял, что хотел сказать его спаситель.

Но потрясение было слишком велико — он продолжал растерянно смотреть на мальчика, напоминая потерявшуюся в чужом мире Алису.

Беловолосый, привыкший, видимо, к подобной реакции окружающих на свою внешность, терпеливо повторил жест. Затем он крепко сжал ладонь Хиромицу и рванул вперед. Шаги преследователей за спиной становились все отчетливее.

Они бежали изо всех сил. Позади оставалось садящееся солнце, сиротливые качели, кричащие преследователи в черных костюмах. Весь мир стремительно сужался, пока не превратился в эту безумную гонку на выживание, где существовали только они двое.

Хиромицу не знал, сколько длился их бег и куда они в итоге прибежали. Когда они наконец остановились в каком-то глухом переулке, легкие мальчика буквально горели, а в боку невыносимо кололо. Он судорожно хватал ртом воздух, содрогаясь от болезненного кашля. Жизнь в этот момент казалась слишком тяжелым, непосильным бременем. Пот заливал глаза, смешиваясь с бесконечными слезами — казалось, за этот вечер он выплакал все, что накопилось в нем за долгие месяцы молчаливой скорби.

Но изнурительный бег сотворил чудо: в кровь хлынул адреналин, смывая остатки паники. Сквозь рыдания на лице Хиромицу вдруг проступила улыбка. Он беззвучно, но отчаянно рассмеялся, сам не понимая причин этого внезапного порыва. В этот миг затяжной, удушливый дождь в его душе наконец-то прекратился. Пусть ненадолго, пусть лишь на мгновение.

Он судорожно вцепился в ладонь беловолосого спасителя, словно в единственную соломинку, удерживающую его над бездной.

В отличие от взмокшего, растрепанного Хиромицу, его спутник даже не запыхался. Его длинные белые волосы лежали волосок к волоску, а круглые, по-кошачьи любопытные глаза спокойно изучали спасенного.

Дождавшись, пока Хиромицу немного переведет дух, он снова поднял руки:

— *Ты как? Всё в порядке?*

Хиромицу быстро закивал. Заметив под ногами влажную песчаную дорожку, он подобрал сухую веточку и старательно вывел на песке иероглифы своего имени: *Хиромицу Морофуси*.

Беловолосый паренек понимающе прищурился. Забрав у него веточку, он аккуратно приписал рядом: *Кадзума Арааки*.

Обмен именами растопил лед. Хиромицу несмело приподнял ладони, пытаясь показать то небольшое, чему успел научиться. Движения его пальцев были скованными и неуклюжими — он еще никогда не разговаривал так с посторонними.

— *Спасибо... за спасение,* — несмело изобразил он.

Кадзума озадаченно нахмурился. Слишком уж корявыми вышли жесты. Хиромицу густо покраснел от смущения, но упрямо продолжил, стараясь четче выговаривать движениями рук каждое слово:

— *У тебя... отличные жесты. Ты хорошо говоришь руками.*

Кадзума понимающе кивнул и плавно ответил:

— *Моя младшая сестра не говорит. Чтобы общаться с ней, я выучил этот язык.*

Теперь Хиромицу понял, почему этот удивительный мальчик сразу перешел на жесты, едва заметив его немоту. Дома он привык именно так говорить с сестрой.

В душе всколыхнулось любопытство к этой безвестной девочке. Люди — существа социальные, они всегда неосознанно ищут тех, кто похож на них, кто разделяет их боль.

Заметив живой интерес в глазах нового знакомого, Кадзума слегка приподнял уголки губ. На его лице появилось подобие улыбки.

— *В эту субботу я познакомлю вас,* — пообещал он быстрыми взмахами ладоней.

Это зрелище завораживало. Холодное изваяние внезапно ожило, наполнилось теплом человеческих чувств. Его улыбка была столь ослепительной, что Хиромицу не мог оторвать взгляд.

Залившись краской, он поспешно кивнул.

Вся горечь, одиночество и страх, терзавшие его до этого, бесследно испарились. В этот миг Хиромицу страстно желал лишь одного — увидеть Кадзуму снова.

Когда тот повернулся, намереваясь уйти, Хиромицу вопреки здравому смыслу сделал несколько шагов следом.

Кадзума обернулся, на его лице отразилось легкое недоумение. Но уже в следующий миг он, словно что-то поняв, шагнул назад и крепко обнял Хиромицу.

Мальчик уткнулся носом в его плечо, вдыхая тонкий, чистый аромат свежестыранной одежды. Теплая волна чужого тела окутала его, стирая границы между ними. В этом объятии их израненные души на мгновение слились воедино.

Над самым его ухом прозвучал тихий, невесомый голос:

— До субботы.

<http://bllate.org/book/18335/1760472>